

— НЕ ТАК давно мне рассказали забавную историю. Один артист Владимирской областной филармонии, вернувшись из Москвы, показал редактору филармонии несколько новых эстрадных текстов.

Редактор — немолодая женщина, в прошлом одесситка, с неизменной папирсой в углу рта — долго и внимательно читала тексты, потом, откинувшись на спинку стула, задумчиво выпустила струю дыма и произнесла:

— Лет двадцать назад в городе Одессе я знала одного мальчика. Звали его — Миша... Так вот, этот Миша уже тогда писал безумно смешно. Вы не представляете себе, какие таланты блистают в этом городе...

— И это Миша. Его фамилия Жванецкий, — робко проговорил артист, не сумевший пока разобраться — нравится материал или нет.

— Точно! — восторженно воскликнула редактор, — Жванецкий! Я сразу его узнала. Это он! Ах, Одесса...

— Так вам нравится?

— Он спрашивает! Нет, люди, вы слышали! Он спрашивает, нравится ли мне Миша Жванецкий, который еще двадцать лет назад нравился всей Одессе, и сам Аркадий Райкин плакал над письмами к нему, умоляя приехать в Ленинград!..

Тексты были приняты...

— Лично у меня в этой истории вызывают сомнения только слезы Аркадия Райкина, — замечает Роман Карцев. — Аркадий Исаакович просто приехал в Одессу, послушал Мишу и сказал: «Поехали, или я на тебя обижусь. Ты мне нужен!». Я верно говорю?

Ильченко: Кажется, так и было...

Жванецкий: Ничего похожего! Аркадий Исаакович так говорил, но не мне, а тебе. Ты, Рома, все перепутал...

Почувствовав, что историческую правду быстро установить не удастся, я перестал стенографировать. Но в конце концов выяснилось вот что.

НАВЕРНОЕ, не все знают, как началась дружба этих трех мастеров сатиры. Михаил Жванецкий и Виктор Ильченко учились в одной группе Института инженеров морского флота. Вместе они выступали и на сцене студенческого театра миниатюр. А Роман Карцев в это время уже был восходящей звездой цеховой художественной самодеятельности на соседнем швейном предприятии. Пути их пересеклись случайно на одном крупном городском молодежном мероприятии.

Жванецкий и Ильченко в тот день должны были выступать, а Карцев присутствовал в качестве народного дружинника. Со свойственной ему принципиальностью он не хотел пропустить двух студентов, явно вравших, что они артисты.

— Я сам артист! — говорил Карцев, камнем стоя в проходе. — Но вы мне нравитесь, и я вас влюбил, если вы перестанете делать из меня идиота, уверяя, что вы Шуруп и Рыкунин...

Как это часто случается, начавшаяся конфликтная первая встреча переросла затем в долгую многолетнюю дружбу. Больше того, место Жванецкого в паре с

Две подряд премьеры Московского театра миниатюр прошли с блеском. Большой зал Зеркального театра Эрмитажа давно, пожалуй, не слышал такого дружного и непрекращающегося сме-

ха зрителей на протяжении всего спектакля.

Оба представления — «Так мы отдыхали» и «Избранные миниатюры» написаны писателем-сатириком Михаи-

лом Жванецким. В обоих участвуют недавно приглашенные в этот театр лауреаты Всесоюзного конкурса артистов эстрады Роман Карцев и Виктор Ильченко.

СМЕШНЫЕ ЛЮДИ

Воскресные
ВСТРЕЧИ МК

Ильченко занял Карцев, Михаил Жванецкий стал их постоянным и неизменным автором.

Студенческий театр назывался «Парнас-2». В Одессе он пользовался большой популярностью, и потому однажды, приехав на гастроли в Одессу со своим театром, Аркадий Райкин решил посмотреть на «юных дарований».

Этот просмотр лишил студенческий театр Романа Карцева. Аркадий Исаакович пригласил его к себе. Но уже через год так расцвел талант Виктора Ильченко, что Райкин пригласил и его. При этом Михаилу Жванецкому недвусмысленно было сказано, что упаковывать чемоданы может и он.

Эти чемоданы оказались в Ленинграде через полгода, когда сам Михаил Жванецкий был назначен заведующим литературной частью театра, где до него долгие годы работал на этой должности ни много ни мало — сам Назым Хикмет!..

ЛЕНИНГРАДСКИЙ период Михаила Жванецкого, Романа Карцева и Виктора Ильченко в составе труппы Аркадия Райкина нашим читателям, наверное, хорошо известен. Помните сценки и монологи тех лет: «А вас?», «Дефицитные люди», «В греческом зале», «Огородами, огородами...» и многие другие, написанные Михаилом Жванецким...

— Мы всегда с большой теплотой вспоминаем о работе в театре Аркадия Райки-

на, — говорит Михаил Жванецкий. — Аркадий Исаакович многому нас научил, дал, если можно так выразиться, путевку в дальнейшую жизнь...

— Что же было потом?

— Потом самостоятельная работа, — говорит Роман Карцев. — Снова Одесса, свой театр миниатюр.

— А самым трудным, пожалуй, — добавляет Виктор Ильченко, — стал для нас поиск своего лица, своего голоса. Все время невольно хотелось повторять интонации Аркадия Райкина. Мы их просто впитали в себя. Годы ушли на поиск своих собственных интонаций, своих тем и характеров... Многие нам завидуют. У нас действительно прекрасный автор, лучшего трудно желать...

— Даже не так, — поправляет Роман Карцев, — не просто автор, а настоящий друг. Когда мы рядом, я довольно уверенно проглядываю наше будущее... То, что пишет Жванецкий, глубоко трогает зрителей, нам самим, даже не как артистам, а просто людям, все, что он пишет, кажется важным, жизненным, узнаваемым, смешным... Все остро и точно...

— **МИХАИЛ** Михайлович, как, на ваш взгляд, не устарело высказывание классика, что, мол, легче заставить плакать сто человек, чем рассмеяться одного?

— Только не надо специально стараться...

— Слушая Карцева и Ильченко и ваши выступления, я много раз смеялся...

— Но никто из нас такую цель перед собой не ставил — насмешить. Заставить зрителя посмотреть с неожиданной стороны на что-то привычное, сто раз раньше виденное, сделать его нетерпимым к недостаткам, показать, что в его бедах он и сам виноват... Вот какая перед нами стоит задача. Само эстрадное слово «реприза», то есть шутка, вызывает у нас изжогу...

— А есть ли, с вашей точки зрения, разница между сатирой и юмором?

Жванецкий: Конечно, есть. Сатира — это юмор для взрослых.

— Говорят, что сатирики — оптимисты. Что вам видится впереди?

Карцев: Новые спектакли...

Ильченко: Новые темы и типы характеров...

Жванецкий: Тот плавный переход от хохота к мудрости...

— За что хотелось бы подраться?

Карцев: Вы хотите сказать, кого хотелось бы побить?

Жванецкий: Фальшивого человека.

Ильченко: «Закрытый» человек — самый опасный... Есть люди, которые все время молчат... То ли давит служебное положение, то ли, не знаю, глубокомыслие... С таким молчуном говорить трудно.

Карцев: Вот его и хочется побить. Сатирой. Чтобы делал дело, а не темнил...

— А кто тот герой, от лица которого вы говорите со сцены?

Жванецкий: Обслуживаемый...

Ильченко: Человека, который делает что надо и не понимает тех, кто живет не так.

Карцев: Короче, от лица нашего человека...

Жванецкий: Нас иногда спрашивают: «Смешные люди, что вы все только о недостатках говорите? Мы сами их, что ли, не видим? Но ведь не кричим во весь голос!».

— И что вы отвечаете?

Карцев: А мы говорим, что мы не сеем, не пашем, не ремонтируем квартиры. Это наша работа — кричать, пока не разбудим во всех зрителях чувства ответственности, а в некоторых — и совесть...

Жванецкий: Работа у нас такая. Кто-то должен ею заниматься. Сатирик — это человек, который говорит о недостатках вслух и, что важно, приучает людей слушать об этом... А уже потом и самим говорить. Лучше, если он о себе не думает и поэтому кричит. Чем острее мысль, тем здоровее речь...

Карцев: А между тем нам через пять минут — на сцену...

Ильченко: Вы уж извините, нам действительно пора... Да, вот еще... Если получится, передайте вашим читателям, что, переехав в Москву, мы первым делом подписались на «Московский комсомолец»...

Жванецкий: При этом добавьте, что с большими трудностями, отставя в «Союзпечати» три с лишним часа в очереди...

Карцев: Пометьте, личного времени!

— Спасибо, передам!

Разговаривал с гостями
В. АЛЬБИНИН.
Фото Ю. ДЯКОНОВА.